

УДК 316.42(985)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.87

Трансформация социально-экономического пространства российской Арктики в контексте геополитики, макроэкономики, внутренних факторов развития *

© СКУФЬИНА Татьяна Петровна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

E-mail: skufina@gmail.com

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, г. Апатиты, Россия

© МИТРОШИНА Марина Николаевна, аспирант

E-mail: fridma@mail.ru

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН, г. Апатиты, Россия

Аннотация. Цель статьи — обзорное представление о трансформации социально-экономического пространства российской Арктики в контексте геополитики, макроэкономики, учёта влияния внутри-региональных факторов развития. Принципиальная важность представленного обзора определена серией фундаментальных проблем, сопровождающих процессы освоения Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), и одновременным нарастанием значимости этой территории для национальной экономики. Подтверждена объективность этих противоречий, которые закономерно обозначили недостаточность экономической теории в их разрешении. Например, противоречие между высокими издержками функционирования экономики, социальной сферы и необходимостью повышения уровня социально-экономического развития АЗРФ, между задачами усиления эксплуатации ресурсов и требованиями экологии и т.д., то есть того, что объективно затрудняет решение задачи устойчивого развития Арктики. Однако вскрытый масштабный пласт научных разработок, соотнесённый с трансформациями в политике, экономике, демографии, позволил утверждать, что идеи имеют собственную движущую силу, влияют на трансформационные процессы в Арктике. Выявлена специфика и определяющий характер воздействия геополитики и потребностей национальной экономики на социально-экономические трансформации в российской Арктике, но одновременно подчёркнута и значимость проявления экспансионизма как внутренней потребности человека к расселению, славе, богатству, также обеспечившая освоение арктических пространств. Выявлены системные изменения, представлены социально-экономические тенденции российской Арктики, которые позволили установить позитивное влияние современной политики на развитие АЗРФ, что наметило тенденцию снижения демографических потерь. Рассмотрены перспективы социально-экономического развития АЗРФ с учётом современной ситуации коронакризиса, внутренних трансформационных процессов, влияния политики.

Ключевые слова: экспансия, Арктика, трансформационные процессы, социально-экономическое пространство, регулирование, геополитика, макроэкономика, региональные факторы.

Transformation of the Socio-Economic Space of the Russian Arctic in the Context of Geopolitics, Macroeconomics, and Internal Factors of Development

* Для цитирования: Скуфьина Т.П., Митрошина М.Н. Трансформация социально-экономического пространства российской Арктики в контексте геополитики, макроэкономики, внутренних факторов развития // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 87–112. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.87

For citation: Skufina T.P., Mitroshina M.N. Transformation of the Socio-Economic Space of the Russian Arctic in the Context of Geopolitics, Macroeconomics, and Internal Factors of Development. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 41, pp. 87–112. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.87

© **Tatiana P. SKUFINA**, Doc. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher

E-mail: skufina@gmail.com

Luzin Institute for Economic Studies, Apatity, Russia

© **Marina N. MITROSHINA**, Postgraduate

E-mail: fridma@mail.ru

Luzin Institute for Economic Studies, Apatity, Russia

Abstract. The purpose of the article is to review scientific ideas about the transformation of the Russian Arctic's socio-economic space in the context of geopolitics, macroeconomics, and intraregional factors of development. This review's significance is determined by the fundamental problems that accompany the development of the Russian Arctic, the growing importance of this territory for the national economy. These contradictions' objectivity is confirmed, which naturally indicated the shortcomings of economic theory, which does not allow us to solve these contradictions. For example, the contradiction between the high costs of functioning of the economy, social sphere and the need to raise the level of socio-economic development of the Russian Arctic; between the tasks of increasing the exploitation of resources and the requirements of the environment, etc., that is, what objectively makes it challenging to solve the problem of sustainable development of the Arctic. However, the numerous scientific studies considered, correlated with transformations in politics, economy, and demography, allowed us to assert that ideas have their driving force, influence, and provide transformational processes in the Arctic. The specificity and the strong influence of geopolitics on socio-economic transformations in the Russian Arctic are identified, but at the same time, the significance of the manifestation of expansionism as an internal human need for settlement, fame, and wealth is emphasized, which also ensures the development of the Arctic. Systemic changes are identified, socio-economic trends in the Russian Arctic are presented, which allowed us to establish the positive impact of modern policy on the development of the Russian Arctic, which marks a trend of reducing demographic losses. The prospects for the socio-economic development of the Russian Arctic are considered, taking into account the current situation of the coronary crisis, internal transformation processes, the influence of politics.

Keywords: *expansion, Arctic, transformation process, socio-economic space, regulation, geopolitics, macroeconomics, regional factors.*

Введение

Данная статья отличается не только внешними массивными характеристиками (значительным объёмом, количеством источников научной литературы, комплексностью представленного обзора и т.д.), но также специфичностью генезиса и функциональной ориентацией на экспансию представлений о трансформациях в Арктике, предполагая и экспансию самого журнала «Арктика и Север» в мировом информационном пространстве. Статья выполнена в рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» в части реализации системообразующего мероприятия «Поддержка экспансии и укрепления международного авторитета национальных баз (банков) знаний, включая журналы и их коллекции», в данном случае за счёт финансовой поддержки по конкурсу РФФИ «Экспансия».

Подчеркнём внутреннюю логику, структуру и объяснительную ценность семантики «экспансия» для изложения и развития арктической проблематики. Напомним, что в общем смысле экспансия в русском языке традиционно связана с логикой развития живых организмов, характеризуя их способность к распространению в пространстве за первоначальный ареал обитания. Однако это понятие чаще используется не в биологии, а в общественных

науках, экстраполируя исходную сущность и стремление распространения живого в пространстве на общественные процессы. В последние годы мировая наука рассматривает феномен экспансии гораздо шире традиционного представления общественных наук, то есть больше некой, пусть и значимой, но всего лишь составляющей политики стран, регионов, общественных групп и т.д. Экспансию теперь представляют как самостоятельный общественный феномен, который определяет ход истории, специфику цивилизационной динамики, развитие отдельных территорий, в частности — территории Арктики [1, Шапталов Б.Н., с. 18–29].

Характерным для политики экспансионизма является сочетание стихийных, естественных процессов с целенаправленными, сознательными действиями распространения смыслов, символов, ценностных ориентаций и т.д. на основе выверенной, научно обоснованной технологии такого распространения. Во многом история развития экономической мысли связана именно с формированием теории, обеспечивающей действенную технологию такого распространения. В связи с этим стоит упомянуть работу Марка Блауга, которую следует читать с особым вниманием, т.к. она содержит не только выверенную историю экономической мысли, но и важный контекст — крепкую хватку критического осмысления теории с позиций меняющихся представлений политики, рассмотренных на основе тщательного экономического анализа данных [2, Blaug M., с. 200–206, 444–445, 549–552]. Отдельный интерес представляет обособление теоретических подходов и даже школ к исследованию проявления экспансионизма в Арктике средствами массовой информации [3, Padrtovaab B., с. 37].

Социально-экономическое пространство Арктики — это мир экспансионизма, в какой-то мере даже больше, чем остальные территории: в силу определяющего воздействия политики на общественную жизнедеятельность из-за очевидных ограничений реализации потенциала внутреннего саморазвития на фоне геополитического значения Арктики. Таким образом, социальное и экономическое развитие в Арктике немислимо вне контекста политики экспансионизма. Именно поэтому ключевое место в тематическом журнале «Арктика и Север» занимают вопросы расселенческих процессов на Севере и в Арктике, иллюстрирующих процессы биологической, социальной и культурной экспансии, вопросы экономического роста, политики и управления, иллюстрирующих экономико-политическую экспансию.

Отражение результатов проявления экспансионизма — в трансформационной динамике. Цель данного исследования — обзорное представление о трансформации социально-экономического пространства российской Арктики в контексте геополитики, макроэкономики, учёта влияния внутрирегиональных факторов развития.

Принципиальная научная значимость и одновременно практическая актуальность предлагаемого обзора определяется фундаментальностью проблемы, состоящей в противоречии между усилением геополитического, экономического значения Арктической зоны

Российской Федерации (АЗРФ) и одновременным нарастанием социально-экономических проблем этих территорий, сопровождающихся усилением структурных диспропорций экономики, отсталостью характеристик качества жизни населения в сравнении с несевверными территориями, объективными факторами, выталкивающими население и бизнес с арктических территорий [4, Баранов С.В., с. 46–48; 5, Социально-экономическая проблематика...; 6, Крюков В.А., Крюков Я.В., с. 26; 7, Skuf'ina T.P., Baranov S.V., с. 66–68; 8, Регионы Севера и Арктики Российской Федерации..., с. 18–34, 76–79; 9, Экономика современной Арктики..., с. 27–39, 56–62, 144–149, 154–185].

Достижение цели предполагает ответы на три вопроса, которые представлены как задачи исследования.

Первый вопрос (первая задача): каково воздействие геополитики, внутренних факторов развития на социально-экономические процессы в Арктике? Научная новизна этого результата определяется уточнением представлений об отражении геополитики и внутренних факторов в реальных трансформационных процессах развития российской Арктики периода начала 20-го века до наших дней. Ключевой вопрос: действительно ли геополитика определяет реальные социально-экономические трансформации российской Арктики и если да, то в какой мере?

Второй вопрос (вторая задача): выявление системных изменений, представление оценки социально-экономических тенденций российской Арктики, которые были прерваны, а также новых тенденций, которые получили развитие в постсоветский период, включая анализ воздействия макроэкономики и внутрирегиональных факторов развития. Научная новизна этого результата представляется в комплексной диагностике трансформационных изменений, осуществляемой на базе междисциплинарного инструментария.

Третий вопрос (третья задача): каковы перспективы социально-экономического развития АЗРФ с учётом представленной диагностики современной ситуации, генетики трансформационных процессов, влияния геополитики. Научная новизна этого результата определяется комплексностью представлений о вероятных процессах развития АЗРФ.

Обзор состояния современных исследований вопросов трансформационной динамики в Арктике

Вопросы, посвящённые социально-экономическим, политическим трансформациям, управлению в Арктике, в настоящее время во всём мире находятся в фокусе обсуждений политиков, государственного управления, учёных, бизнес-структур. Это обусловлено усиливающимся стратегическим значением Арктики, что обозначило чёткую тенденцию трансформации политических и сопряжённых экономических отношений в Арктике. Возможно даже говорить о том, что трансформации политических и экономических отношений в Арктике являются определённого рода показателем изменений в мировой политике. Так, в последнее

время в мировых исследованиях значительное место отводится анализу перехода власти, интересов, возможностей реализации задач в Арктике странами и регионами мира, в том числе и теми, которые не являются традиционными «арктическими» державами. Исследователи из стран Европы делают акцент на необходимости «коллективного управления» Арктикой. «В данный момент нам необходимо сосредоточиться на важности международных геополитических отношений, нацеленных на всестороннее сотрудничество в Европейском союзе, которое позволит осуществлять коллективное управление Арктикой» [10, Danilo V., с. 50]. Повышенное внимание уделяется обсуждению внимания к Арктике активно развивающихся стран Азии с упором на китайско-российские отношения. Отмечается, что мощный фактор экономического роста обозначил переход политической и экономической силы к Китаю. Соответственно, изменилась и риторика. Так, ранее Китай позиционировал Арктику как общее достояние человечества, а в настоящее время называет себя «почти арктической» страной [11, Gjedssø B., Galluccib V., с. 240; 12, Аносова Л.А., Тригубенко М.Е., Леженина Т.В., Нгуен К.Х., Яковлев А.А., с. 12-36]. Очевидно, что современные условия пандемии существенно изменят расстановку мировых сил и существенно усилят притязания Китая на Арктику, включая продолжение активных инвестиционных вливаний в крупнейшие российские арктические проекты.

Пока никто не может достоверно оценить, насколько глубоки будут изменения глобальной расстановки сил, насколько велики будут притязания Китая на Арктику, какова роль в этом российско-китайских отношений и как именно трансформируется арктическое пространство в этой обновлённой реальности. Однако то, что эти изменения самым существенным образом отразятся на политике и национальной экономике России, не вызывает сомнений. Так, Россия характеризуется самой длинной береговой линией в Арктике среди всех пяти прибрежных государств, имеющих в своём составе арктические территории. Арктика является геостратегической территорией для России в силу огромных запасов полезных ископаемых, что усиливает её стратегическое значение и в долгосрочном периоде. В России приумноженное значение арктической проблематики закономерно отражается декларированными приоритетами обеспечения процессов устойчивого социально-экономического развития, закреплёнными в формируемой нормативно-правовой литературе, с целью решения геополитических, экономических, взаимосвязанных социальных задач развития Российской Федерации [13, Kudryashova E.V., Zarubina L.A., Sivobrova I.A., с. 39–42; 14, Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Липина С.А., Чистобаев А.И., с. 5–7]. При этом отмечается некоторая противоречивость научного базиса, сопровождающего управление трансформационной динамикой Арктики.

Полагаем, эта противоречивость объясняется двумя основными факторами. Первый фактор назван академиком П.А. Минакиром «стратегическими тупиками». Сущность тупика — конфликт целей, задач, механизмов, декларированных в национальной стратегии про-

странственного развития Российской Федерации с постулатами теории пространственного развития и региональными стратегиям [15, с. 967]. В результате макроэкономическая ситуация не способствует уверенному развитию индустриального сектора, что особенно проблематично для старопромышленных регионов Севера [16, Uskova T.V., Lukin E.V., Mel'nikov A.E., Leonidova E.G., с. 63, 70]. Второй фактор — противоречивость теории развития и управления социально-экономическим пространством российской Арктики. Именно эта противоречивость обуславливает особенную значимость рассмотрения современных теоретических воззрений на трансформации в Арктике.

Отметим, что анализ исследований невозможно сконцентрировать именно на АЗРФ в силу того, что как объект управления эта зона фактически выделилась только в 2016 г., но значительно более широкая зона — Север России как объект исследования и управления, включающая и территорию современной АЗРФ, имеет длительную историю трансформационной динамики, включая систему управления и соответствующую политику [17, Скуфьина Т.П., с. 17–19]. Именно эта политика смогла обеспечить в период СССР развитие не только экономики, но и высоких стандартов качества жизни населения относительно лучших зарубежных аналогов [18, Самарин А.В., с. 450–455].

Среди достаточно обширной литературы, подробно освещающей позитивные, негативные факты и трансформации на Севере, а также специфику научного сопровождения, особенно следует выделить обобщающее монографическое произведение под научной редакцией академика Б.Н. Порфирьева «Социально-экономическая проблематика Российской Арктики в исследованиях институтов Российской академии наук: история, современность, перспективы» [5]. Очевидно, что искусственно вырывать исследования по АЗРФ из этого массива фундаментальных данных по Северу не представляется целесообразным.

Итак, состояние современных исследований представляет собой огромный и разнородный пласт информации, включающей теоретический и научно-практический задел СССР по теории управления, политике, экономике освоения и обживания территорий Севера и его арктической составляющей; современные разработки, порождающие достаточно противоречивые представления отечественных учёных о перспективах, приоритетах и политике Севера и АЗРФ; а также зарубежные исследования, ориентированные преимущественно на формирование такой политики, которая акцентирует внимание не на концептуальных приоритетах, а на решении задач практического свойства по формированию факторов устойчивого развития конкретных территорий циркумполярного Севера с отдельным выделением вопросов экологической политики [19, McCannon J.; 20, Гутнев М.Ю., Конышев В.Н., Сергунин А.А., с. 108]. Все эти и множество других аспектов определяют свой взгляд на проблематику формирования современной государственной политики и соответствующих трансформаций в Арктике.

Современный массив информации можно условно разделить на три составляющие. Условность этого деления определяется как обозначенной многоаспектностью, так и взаимопроникновением выделенных направлений.

Во-первых, это исследования, направленные на изучение внутренних свойств, связей, отношений функционирования социально-экономического пространства Севера и Арктики, включая прогностические разработки. Многочисленные работы этой группы возможно классифицировать с позиций методологических различий преобладания способа получения информации. Так, возможна трёхкомпонентная группировка на исследования, базирующиеся на статистических разработках, на анализе институциональной среды, а также на анализе социологическими методами (включая наблюдение, включённые интервью, анкетирование и т.д.).

Авторские наблюдения показывают, что приоритет статистике отдаётся в исследованиях США, Канады, значительное внимание уделяется таким исследованиям и в России [21, Корчак Е.А., с. 141; 22, Скуфьина Т.П., Баранов С.В., с. 52–54, 60–62; 23, Скуфьина Т.П., Баранов С.В., Корчак Е.А., с. 25–27]. Как правило, эти исследования не только определяют какие-то количественные зависимости и закономерности, но и выделяют перспективные направления, конкретные конкурентные преимущества определенных северных территорий, способных обеспечить экономическое и социальное развитие, нередко, с учётом экологического контекста [24, Nealy A., с. 29–31].

Приоритет социологическим подходам и методам исследования северных территорий отдаётся в работах учёных из стран Скандинавии [25, Markkula I., Turunen M., Rasmus S., с. 1070]. При этом общий контекст «скандинавской» составляющей исследований, как правило, — приоритет «социальности» над экономическими ограничениями развития, особенно активное среди остальных работ обоснование необходимости повышенных трат на социальную сферу северных поселений. Часто в этих исследованиях рассматриваются мировоззренческие вопросы восприятия реальности коренными народами, мигрантами, адаптантами, обсуждается культурное и духовное значение экосистем и т.д. Среди отечественных исследований перспективным направлением является соединение математического моделирования с социологическими методами исследования социально-экономической динамики Севера. В частности, авторы статьи являются приверженцами этого подхода, дающего уникальное сочетание количественных характеристик объективной реальности и отражение этой реальности в сознании населения, социальных групп [26, Baranov S.V., Skuf'ina T.P., Gushchina I.A.; 27, Скуфьина Т.П., Бажутова Е.А., Самарина В.П., с. 51].

Институциональные исследования характерны больше для российских работ. Однако следует отметить, что в основе этих работ лежит не типовое понимание институционального анализа (традиционно основанного на мощном математическом аппарате, теории игр, исследовании институтов социологическими выверенными методами и т.д.), а только узкая

часть методологии институционализма, захватывающая анализ законодательного обеспечения функционирования социально-экономической и экологической среды Севера и АЗРФ. Поясним, предвидя возможные возражения, речь идёт именно о «преимуществах» исследований, что не означает отсутствия, например, в исследованиях работ, базирующихся на социологическом подходе к изучению формальных и неформальных институтов функционирования управления и формирования политики Севера, традиционном использовании типового математического инструментария институционализма. Но во всех этих исследованиях подчёркивается эффект северного удорожания, порождающий требования протекционизма и компенсационности функционирования экономики и социальной сферы. Вместе с тем мера протекционизма и компенсационности обосновывается различная. Этому посвящена вторая часть работ — работ по формированию политики.

Итак, во-вторых, это исследования, ориентированные на формирование политики, определяющей специфику жизнедеятельности экономики и социальной сферы Севера и Арктики.

Повышенное геополитическое внимание к северным территориям, а также развитый характер экономики всех зарубежных приполярных стран (то есть достаточные экономические возможности) предопределяют относительную общность стратегических приоритетов, направленных на формирование политики, обеспечивающей устойчивое развитие. Модель этого устойчивого развития понимается многогранно, включая рациональное природопользование, защиту окружающей среды, человеческое измерение и международное сотрудничество на региональном и глобальном уровнях [21, Корчак Е.А., с. 124]. Определённый интерес представляет тот факт, что несмотря на многообразие трактовки модели устойчивого развития, страны мира демонстрируют одинаковые подходы к финансированию такого развития [28, Аносова Л.А., Кабир Л.С., с. 20–22]. С позиций управления среди зарубежных исследований четко выделяется два рода работ. Работы первого рода — исключительно практического свойства. Так, значимое количество исследований направлено на оптимизацию расходов для обеспечения экономических и социальных эффектов в местных сообществах Севера, а также нормативно-правового обеспечения протекционных экономических условий функционирования северных поселений, включая вопросы компенсаций от эксплуатации природной среды [29, Tolvanen A., Eilu P., Juutinen A., Kangas K., Kivinen M., Markovaara-Koivisto M., Naskali A., Simila J., с. 832–834]. Работы второго рода имеют междисциплинарный характер и связывают сразу несколько аспектов обеспечения модели устойчивого развития, но тоже, как правило, с явным практическим смыслом: например, особенно актуальным направлением является разработка рекомендаций политикам и управлению на основе связи климатических изменений и ожидаемых изменений жизнедеятельности северных народов [30, O’Faircheallaigh C., с. 102; 31, Bring A., Shiklomanov A., Lammers R.B., с. 79–82; 32, Karen K., Ljubicic G., с. 47]. Для зарубежных исследований в сфере обоснования политики по отноше-

нию к социально-экономическому пространству Севера и его арктической составляющей характерно два свойства. Во-первых, относительная теоретико-методологическая общность представлений о политике обеспечения социально-экономической жизнедеятельности северных территорий [33, Serova N., Korchak E., Skufina T., с. 6]. Во-вторых, как правило, большая ориентация на решение текущих практических задач, что, возможно, объясняется именно отсутствием теоретико-методологических противоречий. Следует отметить, что специалисты по арктической проблематике в России справедливо полагают, что зарубежный опыт затруднён к применению в российской практике управления в силу существенных отличий институциональной среды, экономического значения ресурсов Арктики, управленческих отношений и т.д. Вместе с тем зачастую зарубежный опыт даёт некоторые новые идеи, ориентиры развития, актуализирует необходимость пересмотра ряда составляющих политики на Севере и в АЗРФ.

Что касается отечественных работ, авторские обобщающие исследования показывают, что на протяжении ряда лет для них характерно меньшее единство ориентиров при формировании политики управления Севером и Арктикой [34, Скуфьина Т.; 35, Скуфьина Т.П., с. 25–27]. Часть исследователей до сих пор обсуждает целесообразность комплексного социально-экономического развития, генерируя противоречивые мнения, вплоть до ориентации на преимущественно вахтовый способ освоения АЗРФ [36, Козлов А.В., Гутман С.С., Рытова Е.В., Захаров А.Н., с. 19–23].

Но всё-таки подавляющая часть исследователей стоит на прагматической позиции — обеспечить научное сопровождение реализации государственной политики для достижения декларированной задачи комплексного социально-экономического развития АЗРФ как единого макропроекта как единого объекта планирования. Значение этой задачи связано с национальной безопасностью, что определено как минимум двумя факторами: во-первых, ресурсы российской Арктики являются основным источником наполнения бюджета страны; во-вторых, задача комплексного социально-экономического развития АЗРФ не может быть поставлена как базисный ориентир политики в Арктике в силу необходимого обеспечения синхронизации с общемировыми процессами. Такая прагматичная позиция обеспечения научного сопровождения управления АЗРФ реализуется активно и масштабно, характеризуясь комплексностью и междисциплинарностью [37, Лаверов Н.П.; 38, Минакир П.А., Краснопольский Б.Х., с. 12–14].

Итак, задачи политики конкретизировались до реализации мегапроекта Арктика, идёт формирование опорных зон развития, реализация которых определяет не только экономическое развитие, но и повышение качества жизни населения АЗРФ. При этом, как справедливо отмечает академик В.А. Крюков, формирование эффективной политики (как долгосрочной, так и антикризисной) должно включать учёт исторических особенностей формирования промышленности и инфраструктуры на Севере и его арктической составляющей, а также

сложившийся мировой тренд изменения общественных взаимоотношений [9, Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками, с. 8–19]. Обобщая, В.А. Крюков отмечает: «А в основе формирования взаимоотношений в меняющейся экономике должно быть понимание того факта, что экономика не сводится к достижению коммерческой эффективности, к сравнению затрат и результатов в денежной форме. Изменения в экономике в мире все больше оценивают по социальным метрикам» [39, Механик А., с. 46]. Это подтверждает целесообразность и значимость рассмотрения третьей составляющей арктических исследований — контекста качества жизни населения Арктики.

Итак, третья составляющая — исследования, посвящённые вопросам качества жизни — категории, характеризующей существенные обстоятельства общественной жизни населения. Социолого-философский взгляд на категорию качества определяет значение качества жизни как способность конкретно задаваемой нормы для определённой личности (общности) выступать формой представления и обеспечения потребностей людей. В этой связи исследователи отмечают «смещение акцента исследования на субъективные параметры жизни, а обобщающей категорией для описания субъективных условий формирования психологического благополучия становится понятие субъективного качества жизни» [40, Лебедева А.А., с. 4].

Такой подход к качеству жизни даёт большие возможности для изучения. Однако большинство экономических исследований и фундаментального, и практического свойства, при всём их многообразии стоит на иной позиции и фактически изучает структуру потребностей и возможности удовлетворения. При этом традиционно наблюдается два типа работ: либо с уклоном в сторону восприятия качества жизни как своеобразного интегрированного социального показателя [41, Bjerregaard P., Dahl-Petersen I., Larsen C., с. 149–153], либо определяющее значение даётся материальной обеспеченности жизни, экономической стороне общественной жизнедеятельности [42, Korchak E.A., Serova N.A., Emelyanova E.E. & Yakovchuk A.A., с. 3–4; 43, Okrepilov V.V., Chudinovskikh I.V., с. 490–492].

В российских исследованиях качества жизни, как правило, основное внимание уделяется экономической стороне жизнедеятельности. Полагаем, это объясняется целой серией причин объективного и субъективного свойства. Так, это обусловлено актуальностью рассмотрения влияния кризисных процессов на развитие определённых регионов и пространственное развитие страны в целом, что требует изучения количественных составляющих качества жизни, основанных на формальных статистических показателях. Также различия экономической специализации и иные многочисленные факты разнообразия регионов Российской Федерации определяют не только теоретическую, но и практическую значимость изучения межрегиональной дифференциации параметров качества жизни, что тоже требует соотношения выверенных показателей категории «качества жизни», а это ориентирует на ста-

статистические показатели, которые характеризуют именно экономическую сторону категории «качество жизни».

Дополнительно к исследованию динамики статистических показателей в контексте проблематики качества жизни в ряде исследований добавляются социологические методы. На основе совмещения опросов населения с анализом статистических данных изучаются причины различий в уровне оплаты труда, денежных доходах населения по регионам, исследуются вопросы восприятия населением составляющих условий жизни северных и арктических территорий [44, Римашевская Н.М.; 45, Гущина И.А., Кондратович Д.Л., Положенцева О.А., с. 502]. Определённая специфика исследований Кольского, Карельского, Вологодского научных центров РАН, традиционно исследующих вопросы качества жизни населения Севера и Арктики на основе детализированных опросов населения, заключается в определении особенностей отражения деятельности органов власти и проводимой политики по составляющим качества жизни в сознании населения. Появляется доказательная база не только сильных и слабых сторон управления, но и того, что социально-культурные факторы являются недоиспользованным резервом экономического роста территорий [46, Shabunova A.A., Leonidova G.V., Chekmareva E.A., с. 162–164, 176].

Основа вовлечения этого резерва — социальные инновации. Определённый интерес, заставляющий задуматься об имеющихся резервах участия исследовательских центров в процессе развития социальных инноваций, представляют работы, свидетельствующие об эмпирически подтверждённых фактах отрыва учёных от создания успешных практик социальных инноваций при одновременном активном производстве технологических инноваций. По мнению коллег из развитых стран, это качественно отличает функциональную направленность российских научных центров для территории от ситуации в развитых странах мира [47, Social Innovation: a New Innovation Paradigm for Social Development..., с. 219–221]. Однако для нас наиболее важным является факт недоиспользованности возможностей научных центров в производстве социальных инноваций, который намечает возможности дальнейшего развития сопряжения науки с территориальными потребностями.

Подводя итоги, можно ещё раз отметить разнообразие, неоднозначность, дискуссионность результатов исследований, касающихся социально-экономических трансформаций, политики и управления в АЗРФ. Однако возможно выделить и общие тезисы управления и геополитики, касающиеся приоритетов сохранения геополитической стабильности, декларации приоритетов устойчивого развития, реагирования на вызовы климатических изменений, обеспечение международного сотрудничества, востребованность научного сопровождения социальных и экономических процессов в Арктике. Вместе с тем эти тезисы разбиваются о «политическую неспособность» в терминах Хайнинена Ласси [48, с. 195]. Поэтому для уточнения ответов на поставленные нами вопросы предлагаем рассмотреть социально-экономические трансформации в российской Арктике в контексте декларированной полити-

ки, отражающей геополитическую ситуацию, макроэкономические задачи, региональные условия развития.

Трансформации социально-экономического развития российской Арктики через призму политики

Рассмотрение многочисленных исследований, посвящённых истории проявления экспансионизма в Арктике, подтверждает приоритетное влияние двух взаимопроникающих процессов на социально-экономические трансформации в Арктике [19, McCannon J.; 33, Serova N., Korchak E., Skufina T., с. 6].

Во-первых, это стихийное освоение арктического пространства за счёт неизбежной потребности человека к расселению, познанию неизведанного, стремлению к славе и богатству. Вспоминается тезис великого полярного исследователя Руаля Энгельбрегта Гравнинга Амундсена, удачно завершившего практически все свои тяжелейшие экспедиции и потерявшего жизнь при спасении арктической экспедиции на дирижабле Умберто Нобиле: «Человек может привыкнуть ко всему, кроме холода». Значительный объём страниц в летописи Севера и Арктики принадлежит России. Так, даже в исследованиях явно антироссийского толка подчёркивается значимость российских полярных исследований и освоения северного пространства царского и советского периода, выполненных силами арктических энтузиастов с риском для жизни — граф Фёдор Литке, промышленник Михаил Сидоров, пилот Ян Нагурский и многие другие [19, McCannon, с. 34–82, 118–126].

Во-вторых, это планомерные шаги по развитию северных окраин под давлением факторов геополитики, порождающей государственную целесообразность освоения пространства Севера и Арктики. На протяжении более четырёхсот лет российское государство вкладывало людские ресурсы и деньги в формирование опорных точек и инфраструктурное обустройство России на северных территориях. Например, под давлением геополитики и внутренних интересов, в противовес англичанам и голландцам, в 1584 г. основан арктический порт Архангельск. В 1600 г. для продвижения русских вглубь Сибири и сбора ясака создан укреплённый центр Мангазеи. Удачные примеры геополитически значимых решений «приближения пространства» Тихого океана к Европейской России за счёт строительства Великой Сибирской железной дороги, попытки имперской России связать Мурманск с Владивостоком прокладкой Северного морского пути, впоследствии обеспечивших развитие отдалённых территорий, приведены в коллективной монографии академиком В.А. Крюковым [9, Экономика современной Арктики..., с. 5–6].

Наиболее мощный импульс трансформациям на Севере и в Арктике обеспечил период СССР [49, Фаузер В.В., Смирнов А.В., с. 112]. Обобщая, известный северовед Е.А. Корчак определяет интенсивное и целенаправленное освоение Севера и Арктики в советский период за счёт геополитической составляющей и значения ресурсов, отмечает масштабную моти-

вационную составляющую советской пропаганды освоения арктических территорий, направленной на привлечение квалифицированных кадров [21, с. 121–125]. Это обеспечило создание промышленных центров, разветвленной сети монопоселений, инфраструктурное обустройство, включая развитие Севморпути. Трансформации малообжитых территорий российского Севера и Арктики характеризует резкий рост численности населения в период СССР и его сокращение в постсоветский период.

Периодизация политики на Севере в контексте общероссийской политики и воздействия внешнеполитических факторов в постсоветский период, как правило, содержит 3 основных этапа. 1-й этап — ситуационная политика (1991–2000 гг.), характеризовалась обвальными социально-экономическими характеристиками по регионам Севера, что коррелировало с общероссийской ситуацией, но ряд действующих в советский период компенсационных и протекционистских мер подтверждён специализированным законодательством (например, в 1993 г. принят ФЗ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», в 1996 г. принят ФЗ «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» (утратил силу с 01.01.2005), устанавливающий принцип протекционизма и основные направления государственной политики на Севере). 2 этап (2000–2005) — политика, декларированно направленная на снижение межрегиональной дифференциации, усиление протекционизма для Севера, но фактически ряд льгот бизнесу и населению сокращен, что зафиксировано законодательно. 3 этап (2005–2008) — этап политики поляризованного развития, постепенный отказ от признания Севера особым объектом государственной политики и управления, что фиксируется отсутствием специализированной нормативно закреплённой политики по отношению к Северу как единой территории [21, Корчак Е.А., с. 125–129; 34, Скуфьина Т., с. 148–150; 35, Скуфьина Т.П., с. 25].

В дальнейшем фактически необходимость учёта специфики Севера в региональной политике подменяется политикой развития АЗРФ. Так, государственная программа Российской Федерации «Региональная политика и федеративные отношения», утвержденная в 2013 г., уже не содержит слова «Север», акцентируется только на АЗРФ. Напомним, что уже в 2008 г. Президентом Российской Федерации утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», в 2013 г. утверждена «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», сейчас идёт активный нормотворческий процесс формирования специализированных нормативно-правовых актов, касающихся АЗРФ.

Трансформация политики закономерно привела и к социально-экономическим трансформациям на Севере России. Так, в 1991 г. (впервые с 1959 г.) стало наблюдаться сокращение населения Севера. В 1991 г. население Севера сократилось на 1,5 млн. чел, в 1992

г. — на 0,4 млн чел., в 1993 г. — на 0,2 млн чел., в 1994 г. — на 0,2 млн чел. К 2010 г. совокупные потери северных территорий составили более 1,6 млн чел.

Полагаем, причины человеческих потерь Севера и Арктики различны, но в целом объясняются тремя фактами, которые в определённой мере сохраняют своё значение до настоящего времени.

Первый фактор — установленные государством льготы, надбавки к заработной плате (особенно в условиях значительной инфляции) потеряли свою стимулирующую роль. Так, среднемесячная заработная плата в руб. в зоне Севера составляла в 1990 г. — 471 руб. (в среднем по России — 311 руб.), в 1991 г. — 889 руб. (в среднем по России — 611 руб.) и т.д. Очевидно, что превышение заработной платы в зоне Севера за анализируемый период в условиях значительной инфляции не компенсировало проживание в неблагоприятных условиях, вызванных особыми объективными факторами «северности».

Второй фактор — малообустроенность Севера. Например, обеспеченность населения жильём в районах Севера на начало рыночных преобразований существенно отставала от среднероссийских показателей. Так, на начало 1991 г., если в среднем по России на каждого жителя приходилось по 11 кв. м жилой площади (при норме 12 кв. м), то на Севере — по 9 кв. м. При этом в Бурятии — лишь по 4,5 кв. м, в Читинской области — по 6 кв. м. В 1991 г. около 1 110 тыс. семей Севера (36 % всех семей) стояло в очереди на получение нового благоустроенного жилья. На начало 1991 г. почти 3,5 млн кв. м жилья, или 2,4 %, в регионах Севера находилось в ветхом или аварийном состоянии (в целом по России — 1,3%), причём в Читинской области доля такого жилья составляла 8%, в Коми ССР — 6%, в Сахалинской области — 4%, в Магаданской области — 3,5%. При этом на начало 1991 г. в приспособленных помещениях (балках, вагончиках), например, в Якутии, проживало 5% всего населения, в Магаданской области — 3%, в Камчатской — 1% (в целом по России — 0,6%). Отметим, что сокращение строительства жилья в регионах Севера характеризовалось более быстрыми темпами, чем в среднем по стране. Так, в период 1990–2004 гг. ввод в действие жилых домов по зоне Севера уменьшился более чем в 4 раза, тогда как в целом по России — менее чем в 2 раза. Основная причина очевидна — резкое сокращение государственных инвестиций в строительство и некоторое ослабление остроты потребности в жилье в связи с миграционным оттоком населения с Севера.

Третий фактор — ограниченная вероятность найти работу в условиях моноструктурной экономики. Так, среднегодовая численность занятых в отраслях экономики в 1990 г. составляла 6 153 тыс. чел., в 1991 г. — 6 098 тыс. чел., в 1992 — 6 008 тыс. чел. (всего по России 72 071 тыс. чел.), 1993 г. — 5 597 тыс. чел. (всего по России — 70 851 тыс. чел.), 1994 г. — 5 414 тыс. чел. (всего по России — 68 484 тыс. чел.). Эти данные свидетельствуют том, что темпы падения занятых в экономике Севера и России в целом одинаковы. Однако моноструктурная

экономика Севера предоставляла меньшие возможности по трудоустройству безработному населению [8, Регионы Севера и Арктики Российской Федерации..., с. 36–39].

Акцент на АЗРФ как на особом объекте государственной политики в целом позитивно сказался на регионах Арктики. Активизация инвестиционных процессов привела к разработке новых месторождений, оживлению производства, развитию инфраструктуры, обеспечила сохранение научных организаций и систему высшего образования, что замедлило миграционные потери регионов Арктики (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения регионов, территории которых полностью включены в АЗРФ, тыс. чел.¹

Регион	1925	1940	1950	1960	1970	1980	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Ненецкий автономный округ	н/д	н/д	н/д	37	39	47	52	44	41	42	42	43	44
Мурманская область	23	202	337	606	799	665	1191	1067	941	857	800	766	741
Ямало-Ненецкий автономный округ	н/д	н/д	н/д	64	80	158	489	478	496	515	524	540	544
Чукотский автономный округ	н/д	н/д	н/д	47	101	133	162	96	62	51	49	51	50

Вместе с тем наши исследования свидетельствуют о достаточно высокой распространённости миграционных настроений у населения арктических территорий. Причём исследования показывают, что это следствие недостаточного учёта арктической специфики при формировании общероссийской социальной политики. Например, при формировании изменений пенсионной реформы были недостаточно учтены демографические риски для Арктики [26, Varanov S.V., Skuf'ina T.P., Gushchina I.A., с. 160]. Так, при ответе на вопрос «Изменились ли Ваши планы в отношении дальнейшего проживания в Мурманской области в связи с увеличением пенсионного возраста?» задумались о переезде в более комфортные климатические условия и уже изменили планы дальнейшего проживания наиболее значимые группы населения для экономики Арктики — молодёжь и население среднего возраста (табл. 2). Очевидно, что уже в ближайшем будущем это создаёт значительные риски устойчивости экономики арктического региона — Мурманской области (табл. 2).

¹ Составлено автором. Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 12.06.2020).

Таблица 2

Распределение вариантов ответов жителей о миграционных настроениях в связи с изменением возраста выхода на пенсию с учётом пола и возраста, в % от совокупности опрошенных²

Варианты ответов	Мужчины				Женщины			
	18–29	30–49	50–64	65+	18–29	30–49	50–64	65+
Нет, не изменились, буду жить и работать здесь	46,6%	50,7%	54,9%	71,0%	41,8%	40,0%	58,0%	67,0%
Скорее, изменились, думаю о переезде в более комфортные климатические условия	21,2%	27,8%	18,8%	9,7%	30,6%	40,8%	20,2%	12,5%
Точно изменились, уже подыскал(а) другое место жительства и работу	15,3%	9,5%	4,9%	0,0%	11,2%	6,5%	5,2%	4,5%
Затрудняюсь ответить	16,9%	12,0%	21,5%	19,4%	16,3%	12,7%	16,6%	16,1%

В настоящее время продолжается формирование законодательства, направленного на повышение инвестиционных вливаний в АЗРФ и формирование новых механизмов развития³. Формирование механизмов развития в целом идёт на основе современной геоэкономической парадигмы, основанной на совмещении государственных материальных и финансовых ресурсов с бизнес-ресурсами при институциональной поддержке, направленной на создание комфортной среды для регионального воспроизводства эндогенного типа. Отметим, что детальный анализ откликов региональной экономики на воздействия экономического, политического, институционального, военно-политического свойства с позиций современной геополитической парадигмы приведён в работе [50, Minakir P.A., Prokaralo O.M.]. По мнению североведов, недостатком формируемого механизма развития Арктики является то, что «решение проблем социально-экономического развития Арктической зоны России имеет пока что исключительно «проектный акцент» — кооперация и интеграция усилий остаются при этом «в тени» [50, Minakir P.A., Prokaralo O.M., с. 9].

Однако потребности практики трансформируют этот подход, включая необходимую интеграцию. Например, кооперация интересов и возможностей по разработке минерально-сырьевого сектора АЗРФ, характеризующегося ухудшением условий добычи, разработкой всё более сложных и всё более высокорисковых месторождений. Так, в работах В.А. Крюкова приводятся многочисленные примеры и условия кооперации: совместные проекты ПАО «Новатэк» по сжижению природного газа (на основе привлечения в качестве соинвесторов крупных зарубежных финансовых и нефтегазовых компаний Total, CNPC и Фонд Шелкового Пути); долгосрочный договор «Газпром нефти» с «Газпромом» на разработку трудноизвлекаемых ачимовских нефтяных залежей Ямбургского месторождения в Ямало-Ненецком автономном округе и др. [10, Экономика современной Арктики..., с. 9–14]. Необходимость ин-

² Источник: опросы авторов [26, Baranov S.V., Skuf'ina T.P., Gushchina I.A., с. 170].

³ Следует отметить актуальную и профессиональную работу Центра экономики Севера и Арктики АНО «Института регионального консалтинга» под руководством А.Н. Пилясова в подготовке информационного бюллетеня «Мониторинг социально-экономического развития Арктической зоны России», на страницах которого размещается комплексная информация о новейших процессах в АЗРФ.

теграции с зарубежными партнёрами определяется как потребностью в финансовых ресурсах, так и потребностью в технологиях в связи с недостаточностью собственных технологий для обеспечения разработки арктических проектов, особенно в шельфовой зоне. Это является основным риском реализации модели устойчивого развития Арктики, что обуславливает целесообразность рассмотрения перспектив социально-экономического развития АЗРФ с учётом представленной современной ситуации, генетики трансформационных процессов, влияния геополитики.

О перспективах развития АЗРФ

Перспективы развития АЗРФ невозможно рассматривать вне контекста сегодняшней реальности — кризиса, который впервые в новейшей истории имеет внеэкономическую природу. Глубина, продолжительность и сила воздействия этого кризиса во многом определяется не результатами взаимодействия основных финансовых и экономических факторов, поддающихся анализу и прогнозу, а фактически основными двумя: 1) как быстро и с какими потерями удастся справиться с распространением коронавируса; 2) какая именно будет сформирована политика: ориентированная на формирование в сознании бизнеса и населения идеи о том, что кризис имеет краткосрочный характер или ориентация на долгосрочный и глубокий характер кризиса.

Анализ публикаций позволяет утверждать, что специфика кризиса определяет объективные проблемы прогнозирования его развития в силу невозможности предсказать поведение именно этих двух основных параметров, уточним: невозможности на современном этапе. Так, 1-й параметр: как быстро и с какими потерями удастся справиться с распространением COVID-19 — неизвестно. Поясним, что все прогнозы солидных организаций дают разброс прогнозных данных по COVID-19 в порядки, что делает их неприменимыми. Соответственно, прогнозы развития кризиса фактически отсутствуют, заменяясь прогнозами вероятных трендов без традиционного для прогнозов приведения детальных исходных и прогнозируемых данных. 2-й параметр тоже достоверно не прогнозируется в силу огромного разброса политик и практик развитых стран как относительно карантинных мер в частности, так и установок на периоды восстановления. Отметим, что эти политики не всегда объясняются экономическими возможностями борьбы с вирусом и поиском баланса между потерями экономики и карантинными мерами безопасности.

В связи с этим никакие предположения о развитии АЗРФ не являются верными и никакие теоретические заключения о вероятном развитии Арктики не могут являться действительными. Однако будет ли кто-нибудь всерьёз отрицать необходимость наличия определённых ориентиров для развития, невысказанных без предсказания и предугадывания будущего? Мы предлагаем рассмотреть два возможных сценария развития.

Первый — сохранение действующего вектора, основанного на декларированной цели повышения уровня социально-экономического развития АЗРФ за счёт обеспечения роста экономики регионов Арктики. В его основе — реализация политики, направленной создание институциональной среды и управленческих мер, обеспечивающих развитие добычи полезных ископаемых (включая добычу в труднодоступных районах, на шельфе, освоение трудноизвлекаемых запасов), сопряжённое развитие промышленности, в том числе на базе комплексного использования сырья, развитие рыболовства, рыбоводства и т.д., согласованное инфраструктурное развитие и повышение качества жизни населения. Одновременно значительные ресурсы направляются на поддержку секторов экономики, способных усилить развитие арктических регионов по основным видам экономической деятельности и обеспечить диверсификацию (цифровизация, развитие туризма, поддержка научной и образовательной деятельности в Арктике и т.д.). Значительное внимание уделяется обеспечению устойчивого развития коренных малочисленных народов, проживающих на территории АЗРФ.

Отметим, что современные процессы институционализации развития АЗРФ отвечают логике этого вектора развития. Так, повышение уровня социально-экономического развития АЗРФ является нормативно закреплённой целью управления. Продолжает развиваться система нормативно-правового регулирования, определяющего развитие АЗРФ как специфического объекта государственного планирования и управления. Так, в мае 2020 г. в Правительство Российской Федерации внесён проект Стратегии развития Арктики до 2035 года, разработанный в соответствии с Основами государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утверждёнными 5 марта 2020 г. Стратегия определяет задачи развития, увязанные по этапам реализации, срокам, результатам, обеспеченные чётко прописанным механизмом реализации. В процессе разработки находится новая государственная программа социально-экономического развития АЗРФ, планируемая к принятию до конца 2020 г. Совершенствуется система привлечения инвестиционных ресурсов. Например, в июне 2020 г. утверждено десятикратное снижение порога инвестиций для получения преференций и статуса резидента Арктической зоны (до 1 млн руб.), что расширит возможности инвестиционного доступа в экономику Арктики даже для небольших предприятий. Предусмотрены существенные льготы для разработчиков шельфовых месторождений и производства сжиженного газа. Продолжается работа по облегчению доступа коренных малочисленных народов, проживающих в АЗРФ, к водным и охотничьим биоресурсам. Значительное внимание уделяется развитию науки и образования, как непосредственно в АЗРФ, так и на приарктических территориях для обеспечения экономики кадрами, в том числе высококвалифицированными.

Второй сценарий — сокращение экономической активности в АЗРФ в силу внешней конъюнктуры цен на основные продукты экспорта этой территории, либо в силу введения дополнительных санкций, ограничивающих возможности разработки месторождений и их экономическую целесообразность, свёртывание планируемых объектов в сфере переработки, ту-

ризма и т.д. В этом случае ожидается усиление миграционного оттока экономически активного населения, соответствующее сокращение научной и образовательной инфраструктуры. Политика направлена на усиление роли государства в оказании помощи организациям и гражданам в адаптации к негативным долговременным последствиям. Отдельная задача — обеспечение возрастающих социальных проблем, в том числе монопоселений Арктики, меньшими финансовыми ресурсами.

Очевидно, что представленные два вектора — полярны, учитывая многовариантность, в чистом виде навряд ли реализуются на практике. Однако именно в силу полярности в той или иной мере они будут присутствовать в будущем.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что изложенное обзорное исследование позволило достичь цели и получить обоснованные ответы на поставленные вопросы. Так, подтверждена серия противоречий, касающихся развития Арктики. Например, противоречие, обеспеченное недостаточностью арктической политики — удачно названное Хайнинен Ласси «политической неспособностью» всякий раз, когда требуется, найти компромисс между требованиями экологии и экономики, между требованиями устойчивого развития сопредельной территории и собственными задачами национального развития и т.д. Другой пример — противоречие, характерное для экономики капитализма, затрудняющее задачу обеспечения социально-экономического развития российской Арктики в условиях повышенных издержек функционирования экономики и социальной сферы Арктики, но одновременно — необходимость разработки природных ресурсов Арктики для национальной экономики, причём с одновременным решением задачи повышения уровня социально-экономического развития этой территории.

Объективный характер противоречий ограничивает развитие экономической теории, объясняющей развитие и управление Арктикой. Однако рассмотрение научных и политических воззрений по Арктике, в том числе экспансионистского характера, позволяет утверждать, что идеи имеют собственную движущую силу, влияют и обеспечивают трансформационные процессы в Арктике. Соотнесение этих идей с трансформациями позволило ответить нам на поставленные вопросы. Геополитика в значительной мере определяет и отражает реальные социально-экономические трансформации российской Арктики. Отметим также, что определённое влияние на освоение Арктики имеет и экспансионизм, свойственный человеку как потребность расселения, жажда познания, славы, богатства и т.д. Во многом именно акцент в научных исследованиях и политике на задачах обеспечения устойчивого развития, представленный в позициях арктических стран и надстановых организаций, обеспечил в России возврат к задачам повышения уровня социально-экономического развития АЗРФ. Это позволило замедлить системные изменения постсоветского периода, характерные для Севера (которые закономерно привели к демографическим потерям), обеспечить инвестиционный рост и посте-

пенное инфраструктурное обустройство территории АЗРФ. Однако ряд объективных проблем, в том числе недоучёт специфики проживания и функционирования в Арктике продолжает выталкивать население и бизнес с этой территории. Перспективы развития АЗРФ связаны с двумя факторами. Во-первых, с тем, насколько удачно справится с этими объективными проблемами формируемое законодательство, направленное на повышение уровня социально-экономического развития Арктики. Во-вторых, с тем, насколько коронакризис исказит пока ещё действующие прогнозы и планы развития АЗРФ. Ответ на этот вопрос неизвестен. Но именно от него может зависеть будущее Арктики.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-110-50269.

Литература

1. Шапталов Б.Н. Теория и практика экспансионизма: опыт сильных держав: монография. Москва: URSS. 2015. 384 с.
2. Blaug M. Economic Theory in Retrospect. 5th edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 595 p. DOI: 10.1017/CBO9780511805639
3. Padrtovaab B. Frozen narratives: How media present security in the Arctic // Polar Science. 2019. Vol. 21. Pp. 37–46. DOI: 10.1016/j.polar.2019.05.006
4. Баранов С.В. Статистическая оценка асимметричности экономического развития Севера и несеверной части РФ // Вопросы статистики. 2010. № 4. С. 44–49.
5. Социально-экономическая проблематика Российской Арктики в исследованиях институтов Российской академии наук: история, современность, перспективы. Коллективная монография / Под общей редакцией Б.Н. Порфирьева. Москва: «Научный консультант», 2018. 802 с.
6. Крюков В.А., Крюков Я.В. Экономика Арктики в современной системе координат // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 5. С. 25–52. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-25-52
7. Skuff'ina T.P., Baranov S.V. The phenomenon of Unevenness of Socio-Economic Development of Cities and Districts in Murmansk Oblast: Specifics, Trends, Forecast, Regulation // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. № 5 (53). Pp. 66–82. DOI: 10.15838/esc/2017.5.53.5
8. Регионы Севера и Арктики Российской Федерации: современные тенденции и перспективы развития. Коллективная монография. Апатиты: КНЦ РАН, 2017. 171 с.
9. Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками: коллективная монография. Апатиты: КНЦ РАН, 2019. 245 с. DOI: 10.37614/978.5.91137.416.7
10. Danilo V. European Cooperation: How Important Country is Poland to Ensure the Arctic Governance? // Polar Science. 2019. Vol. 21. Pp. 47–51. DOI: 10.1016/j.polar.2018.10.007
11. Gjedssø B., Galluccib V. The Return of China, Post-Cold War Russia, and the Arctic: Changes on land and at Sea // Marine Policy. 2016. Vol. 72. Pp. 240–245. DOI: 10.1016/j.marpol.2016.04.034Get
12. Аносова Л.А., Тригубенко М.Е., Леженина Т.В., Нгуен К.Х., Яковлев А.А. Глобализация экономики Китая. Всеобъемлющее стратегическое партнёрство Китая с Россией: монография. Москва: Эдитус. 2017.136 с.
13. Kudryashova E.V., Zarubina L.A., Sivobrova I.A. Cross-Border Investment Cooperation in the Arctic Region: Challenges and Opportunities // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast.

2019. Vol. 1. No. 1. Pp. 39–52. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.2
14. Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Липина С.А., Чистобаев А.И. Сценарии развития арктического региона (2020–2035 гг.) // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 5–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5
  15. Минакир П.А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. 2019. № 4. С. 967–980. DOI: 10.17059/2019-4-1
  16. Uskova T.V., Lukin E.V., Mel'nikov A.E., Leonidova E.G. Industrial Development Issues in the Economy of the Old Industrial Regions of Russia // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. Vol. 10. No. 4. Pp. 62–77. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.3
  17. Скуфьина Т.П. Многофакторные вызовы развития Арктической зоны Российской Федерации // Экономика и управление. 2019. № 3 (161). С. 17–22.
  18. Самарин А.В. Управление сетью региональных академических учреждений АН СССР в 1930–1960-е гг. // Вестник РАН. 2014. № 5 (84). С. 448–456. DOI: 10.7868/80869587314040124
  19. McCannon J. Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939. Oxford University Press, 1998. 256 p.
  20. Гутнев М.Ю., Конышев В.Н., Сергунин А.А. Арктический вектор Норвегии: преемственность и новации // Современная Европа. 2019. № 4. С. 108–118. DOI: 10.15211/soveurope42019108118.
  21. Корчак Е.А. Долгосрочная динамика социального пространства арктических территорий России // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 123–142. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.121
  22. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Математико-статистическое моделирование динамики производства ВРП регионов Севера и Арктики: в поисках лучшей модели // Вопросы статистики. 2017. № 7. С. 52–64.
  23. Скуфьина Т.П., Баранов С.В., Корчак Е.А. Оценка влияния динамики инвестиций на рост валового регионального продукта в регионах Севера и Арктической зоны Российской Федерации // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 6. С. 25–35.
  24. Healy A. Innovation in Circumpolar Regions: New Challenges for Smart Specialization // The Northern Review. 2017. Vol. 45. Pp. 11–32. DOI: 10.22584/nr45.2017.002
  25. Markkula I., Turunen M., Rasmus S. A Review of Climate Change Impacts on the Ecosystem Services in the Saami Homeland in Finland // Science of The Total Environment. 2019. Vol. 692. Pp. 1070–1085. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2019.07.272
  26. Baranov S.V., Skuf'ina T.P., Gushchina I.A. The Impact of the Retirement Age Increase on the Economy and Attitudes of the Population of the Murmansk Oblast // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 160–173. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.9
  27. Скуфьина Т.П., Бажутова Е.А., Самарина В.П. Предпринимательская активность в сравнении с общероссийской ситуацией // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 51–68. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.51
  28. Аносова Л.А., Кабир Л.С. Финансирование устойчивого развития: глобальный подход и национальные решения // Экономика и управление. 2019. № 11. С. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2019-11-20-32>
  29. Tolvanen A., Eilu P., Juutinen A., Kangas K., Kivinen M., Markovaara-Koivisto M., Naskali A., Simila J. Mining in the Arctic Environment — A Review from Ecological, Socioeconomic and Legal Perspectives // Journal of Environmental Management. 2019. Vol. 233. Pp. 832–844. DOI: 10.1016/j.jenvman.2018.11.124
  30. O'Faircheallaigh C. Using Revenues from Indigenous Impact and Benefit Agreements: Building Theoretical Insights // Canadian Journal of Development Studies / Revue canadienne d'études du développement. 2018. Vol. 39. No. 1. Pp. 101–118. DOI: 10.1080/02255189.2017.1391068
  31. Bring A., Shiklomanov A., Lammers R.B. Pan-Arctic River Discharge: Prioritizing Monitoring of Future Climate Change Hot Spots // Earths Future. 2017. Vol. 5. No. 1. Pp. 79–92.
  32. Karen K., Ljubicic G. Policies and Practicalities of Shipping in Arctic Waters: Inuit Perspectives from Cape Dorset, Nunavut // Polar Geography. 2012. Vol. 35. No. 1. Pp. 19–49.

33. Serova N., Korchak E., Skufina T. The Arctic: Strategic Priorities of Circumpolar Countries // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. Vol. 753. Iss. 7. Pp. 1–8. DOI: 10.1088/1757-899X/753/7/072022
34. Скуфьина Т. Перспективы развития Севера России // Вопросы экономики. 2010. № 8. С. 148–151. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-8-148-151>
35. Скуфьина Т.П. Новая региональная политика в контексте проблемы сбалансированного развития северных территорий России // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 29 (404). С. 25–34.
36. Козлов А.В., Гутман С.С., Рытова Е.В., Захаров А.Н. Проблема выбора технологий освоения Арктических территорий: опыт России и Норвегии // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 4. С. 19–28. DOI:10.18184/2079-4665.2015.6.4.19.28
37. Лаверов Н.П. О вкладе Российской академии наук в современное освоение и развитие Арктики // Арктика: экология и экономика. 2014. № 1. С. 4–9.
38. Минакир П.А., Краснопольский Б.Х. Экономические механизмы внедрения новых технологий рационального использования арктических ресурсов // Регионалистика. 2018. № 5. С. 12–24.
39. Механик А. Наше руководство не знает российской экономики // Эксперт. 2020. № 12. С. 45–49.
40. Лебедева А.А. Теоретические подходы и методологические проблемы изучения качества жизни в науках о человеке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2 (9). С. 3–19.
41. Bjerregaard P., Dahl-Petersen I., Larsen C. Measuring Social Inequality in Health Amongst Indigenous Peoples in the Arctic. A Comparison of Different Indicators of Social Disparity Among the Inuit in Greenland // SSM — Population Health. 2018. Vol. 6. Pp. 149–157. DOI: 10.1016/j.ssmph.2018.08.010
42. Korchak E.A., Serova N.A., Emelyanova E.E., Yakovchuk A.A. Human Capital of the Arctic: Problems and Development Prospects // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 302. 012078. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012078
43. Okrepilov V.V., Chudinovskikh I.V. Application of Standardization Methods for Environmental Improvement as an Element of Quality of Life Through the Development of a Company's Business // Potential Studies on Russian Economic Development. 2018. Vol. 29. No. 5. С. 490–496. DOI: 10.1134/S1075700718050131
44. Римащевская Н.М. Региональные особенности уровня и качества жизни: монография. ИСЭПН РАН. Москва: М-Студио, 2012. 392 с.
45. Гущина И.А., Кондратович Д.Л., Положенцева О.А. Актуальность использования социологических методов в определении эффективности деятельности властных структур в регионах российского Севера и Арктики (на примере модельного региона — Мурманской области) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 502.
46. Shabunova A.A., Leonidova G.V., Chekmareva E.A. Socio-Cultural Reserves of Economic Growth: Productivity of the Work Chosen According to One's Calling // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. № 4. Pp. 162–179. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.9
47. Social Innovation: a New Innovation Paradigm for Social Development. An Interview with A. Schröder, M. Menapace and A. Shabunova // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. Т. 11. № 1. С. 216–222. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.15
48. Хайнинен Л. Обзор арктической политики и стратегий // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 195–202. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.195
49. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Российская Арктика: от острогов к городским агломерациям // ЭКО. 2018. № 7 (529), С. 112–130.
50. Minakir P.A., Prokapalo O.M. Centralization and Autonomation as the Drivers of Socio-Economic Development of the Russian Far East // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. Vol. 10. No. 6. Pp. 24–41. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.2

References

1. Shaptalov B.N. *Teoriya i praktika ekspansionizma: opyt sil'nykh derzhav* [Theory and Practice of Expansionism: the Experience of Strong Powers]. Moscow, URSS, 2015, 384 p. (In Russ.)
2. Blaug M. *Economic Theory in Retrospect*. 5th edition. Cambridge, Cambridge University Press, 1997. 595 p. DOI: 10.1017/CBO9780511805639
3. Padrtovaab B. Frozen Narratives: How Media Present Security in the Arctic. *Polar Science*, 2019, vol. 21, pp. 37–46. DOI: 10.1016/j.polar.2019.05.006
4. Baranov S.V. Statisticheskaya otsenka asimmetrichnosti ekonomicheskogo razvitiya Severa i nesevernoy chasti RF [Statistical Evaluation of the Asymmetry of Economic Development of the North and Nonpolar Regions of Russia]. *Voprosy statistiki*, 2010, no. 4, pp. 44–49.
5. Porfir'ev B.N., ed. *Sotsial'no-ekonomicheskaya problematika Rossiyskoy Arktiki v issledovaniyakh institutov Rossiyskoy akademii nauk: istoriya, sovremennost', perspektivy*: kollektivnaya monografiya [Socio-Economic Problems of the Russian Arctic in the Research of the Institutes of the Russian Academy of Sciences: History, Modernity, Prospects]. Moscow, Nauchnyy konsul'tant Publ., 2018, 802 p. (In Russ.)
6. Kryukov V.A., Kryukov Ya.V. *Ekonomika Arktiki v sovremennoy sisteme koordinat* [The Economy of the Arctic in the Modern Coordinate System]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2019, no. 5, pp. 25–52. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-25-52
7. Skuf'ina T.P., Baranov S.V. The Phenomenon of Unevenness of Socio-Economic Development of Cities and Districts in Murmansk Oblast: Specifics, Trends, Forecast, Regulation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, no. 5 (53), pp. 66–82. DOI: 10.15838/esc/2017.5.53.5
8. *Regiony Severa i Arktiki Rossiyskoy Federatsii: sovremennyye tendentsii i perspektivy razvitiya* [Regions of the North and the Arctic of the Russian Federation: Current Trends and Development Prospects]. Apatity, KNTs RAN, 2017, 171 p. (In Russ.)
9. *Ekonomika sovremennoy Arktiki: v osnove uspekhov effektivnoye vzaimodeystvie i upravlenie integral'nymi riskami* [Economy of the Modern Arctic: the Basis of Success is Effective Interaction and Management of Integral Risks]. Apatity, KNTs RAN, 2019, 245 p. DOI: 10.37614/978.5.91137.416.7 (In Russ.)
10. Danilo V. European Cooperation: How Important Country is Poland to Ensure the Arctic Governance? *Polar Science*, 2019, vol. 21, pp. 47–51. DOI: 10.1016/j.polar.2018.10.007
11. Gjedssø B., Galluccib V. The return of China, Post-Cold War Russia, and the Arctic: Changes on land and at Sea. *Marine Policy*, 2016, vol. 72, pp. 240–245. DOI: 10.1016/j.marpol.2016.04.034Get
12. Anosova L.A., Trigubenko M.E., Lezhenina T.V., Nguen K.Kh., Yakovlev A.A. *Globalizatsiya ekonomiki Kitaya. Vseob'emlyushchee strategicheskoe partnerstvo Kitaya s Rossiei* [The Globalization of China's Economy. Comprehensive Strategic Partnership between China and Russia], Moscow, Editus Publ., 2007, 136 p. (In Russ.)
13. Kudryashova E.V., Zarubina L.A., Sivobrova I.A. Cross-Border Investment Cooperation in the Arctic Region: Challenges and Opportunities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 1, no. 1, pp. 39–52. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.2
14. Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kudryashova E.V., Lipina S.A., Chistobaev A.I. Stsenarii razvitiya arkticheskogo regiona (2020–2035 gg.) [Scenarios for the Development of the Arctic Region (2020–2035)]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 35, pp. 5–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5
15. Minakir P.A. Rossiyskoe ekonomicheskoe prostranstvo. Strategicheskie tupiki [Russian Economic Space: Strategic Impasses]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2019, no. 4, pp. 967–980. DOI: 10.17059/2019-4-1
16. Uskova T.V., Lukin E.V., Mel'nikov A.E., Leonidova E.G. Industrial Development Issues in the Economy of the Old Industrial Regions of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 62–77. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.3
17. Skuf'ina T.P. Mnogofaktornyye vyzovy razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [Multifactorial Challenges Associated with the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2019, no. 3 (161), pp. 17–22.

18. Samarin A.V. Upravlenie set'yu regional'nykh akademicheskikh uchrezhdeniy AN SSSR v 1930–1960-e gg. [Management of the Network of Regional Academic Institutions of the Academy of Sciences of the USSR in the 1930-1960s]. *Vestnik RAN*, 2014, no. 5 (84), pp. 448–456. DOI: 10.7868/80869587314040124
19. McCannon J. *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939*. Oxford University Press, 1998. 256 p.
20. Gutnev M.Yu., Konyshv V.N., Sergunin A.A. Arkticheskiy vektor Norvegii: preemstvennost' i novatsii [Arctic Vector of Norway: Continuity and Innovation]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2019, no. 4, pp. 108–118. DOI: 10.15211/soveurope42019108118.
21. Korchak E.A. Dolgosrochnaya dinamika sotsial'nogo prostranstva arkticheskikh territoriy Rossii [The Arctic Territories of Russia: Long-Term Dynamics of the Social Space]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 38, pp. 123–142. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.121
22. Skuf'ina T.P., Baranov S.V. Matematiko-statisticheskoe modelirovanie dinamiki proizvodstva VPR regionov Severa i Arktiki: v poiskakh luchshey modeli [Mathematical and Statistical Modeling of the GRP Production Dynamics in the Regions of the North and the Arctic: in Search of a Better Model]. *Voprosy statistiki*, 2017, no. 7, pp. 52–64.
23. Skuf'ina T.P., Baranov S.V., Korchak E.A. Otsenka vliyaniya dinamiki investitsiy na rost valovogo regional'nogo produkta v regionakh Severa i Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [Impact Assessment of Investment Dynamics on the Growth of the Gross Regional Product in the Regions of the North and the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Voprosy statistiki*, 2018, vol. 25, no. 6, pp. 25–35.
24. Healy A. Innovation in Circumpolar Regions: New Challenges for Smart Specialization. *The Northern Review*, 2017, vol. 45, pp. 11–32. DOI: 10.22584/nr45.2017.002
25. Markkula I., Turunen M., Rasmus S. A Review of Climate Change Impacts on the Ecosystem Services in the Saami Homeland in Finland. *Science of the Total Environment*, 2019, vol. 692, pp. 1070–1085. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2019.07.272
26. Baranov S.V., Skuf'ina T.P., Gushchina I.A. The Impact of the Retirement Age Increase on the Economy and Attitudes of the Population of the Murmansk Oblast. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 160–173. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.9
27. Skuf'ina T.P., Bazhutova E.A., Samarina V.P. Predprinimatel'skaya aktivnost' v sravnenii s obshcherossiyskoy situatsiey [Entrepreneurial Activity in the Russian Arctic Territories Compared to the All-Russian Situation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 51–68. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.51
28. Anosova L.A., Kabir L.S. Finansirovanie ustoychivogo razvitiya: global'nyy podkhod i natsional'nye resheniya [Financing of Sustainable Development: Global Approach and National Solutions]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2019, no. 11, pp. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2019-11-20-32>
29. Tolvanen A., Eilu P., Juutinen A., Kangas K., Kivinen M., Markovaara-Koivisto M., Naskali A., Simila J. Mining in the Arctic Environment — A review from Ecological, Socioeconomic and Legal Perspectives. *Journal of Environmental Management*, 2019, vol. 233, pp. 832–844. DOI: 10.1016/j.jenvman.2018.11.124
30. O'Faircheallaigh C. Using Revenues from Indigenous Impact and Benefit Agreements: Building Theoretical Insights. *Canadian Journal of Development Studies*, 2018, vol. 39, no. 1, pp. 101–118. DOI: 10.1080/02255189.2017.1391068
31. Bring A., Shiklomanov A., Lammers R.B. Pan-Arctic River Discharge: Prioritizing Monitoring of Future Climate Change Hot Spots. *Earths Future*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 79–92.
32. Karen K., Ljubicic G. Policies and Practicalities of Shipping in Arctic Waters: Inuit Perspectives from Cape Dorset, Nunavut. *Polar Geography*, 2012, vol. 35, no. 1, pp. 19–49.
33. Serova N., Korchak E., Skufina T. The Arctic: Strategic Priorities of Circumpolar Countries. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2020, vol. 753, iss. 7, pp. 1–8. DOI: 10.1088/1757-899X/753/7/072022

34. Skuf'ina T. Perspektivy razvitiya Severa Rossii [Prospects of Russia's North Development]. *Voprosy ekonomiki*, 2010, no. 8, pp. 148–151. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-8-148-151>
35. Skuf'ina T.P. Novaya regional'naya politika v kontekste problemy sbalansirovannogo razvitiya severnykh territoriy Rossii [New Regional Policy and the Balanced Development of Northern Territories of Russia]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2015, no. 29 (404), pp. 25–34.
36. Kozlov A.V., Gutman S.S., Rytova E.V., Zakharov A.N. Problema vybora tekhnologiy osvoeniya Arkticheskikh territoriy: opyt Rossii i Norvegii [The Choice of Cultivation Technology for Arctic Territories: Comparative Analysis of Russian and Norwegian Experience]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)* [MIR (Modernization. Innovation. Research)], 2015, vol. 6, no. 4, pp. 19–28. DOI:10.18184/2079-4665.2015.6.4.19.28
37. Laverov N.P. O vklade Rossiyskoy akademii nauk v sovremennoe osvoenie i razvitie Arktiki [Contribution of the Russian Academy of Sciences to Modern Exploration and Development of the Arctic]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2014, no. 1, pp. 4–9.
38. Minakir P.A., Krasnopol'skiy B.Kh. Ekonomicheskie mekhanizmy vnedreniya novykh tekhnologiy ratsional'nogo ispol'zovaniya arkticheskikh resursov [Economic Mechanisms of Implementation of New Technologies for Rational Use of Arctic Resources]. *Regionalistika* [Regionalistics], 2018, vol. 5, no. 5, pp. 12–24.
39. Mekhanik A. Nashe rukovodstvo ne znaet rossiyskoy ekonomiki [Our Management Does Not Know the Russian Economy]. *Ekspert* [Expert], 2020, no 12, pp. 45–49.
40. Lebedeva A.A. Teoreticheskie podkhody i metodologicheskie problemy izucheniya kachestva zhizni v naukakh o cheloveke [Theoretical Approaches and Methodological Issues of Life Quality Research in Human Sciences]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2012, no. 2 (9), pp. 3–19.
41. Bjerregaard P., Dahl-Petersen I., Larsen C. Measuring Social Inequality in Health Amongst Indigenous Peoples in the Arctic. A Comparison of Different Indicators of Social Disparity Among the Inuit in Greenland. *SSM — Population Health*, 2018, vol. 6, pp. 149–157. DOI: 10.1016/j.ssmph.2018.08.010
42. Korchak E.A., Serova N.A., Emelyanova E.E., Yakovchuk A.A. Human Capital of the Arctic: Problems and Development Prospects. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2019, vol. 302, 012078. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012078
43. Okrepilov V.V., Chudinovskikh I.V. Application of Standardization Methods for Environmental Improvement as an Element of Quality of Life Through the Development of a Company's Business. *Potential Studies on Russian Economic Development*, 2018, vol. 29, no. 5, pp. 490–496. DOI: 10.1134/S1075700718050131
44. Rimashevskaya N.M. *Regional'nye osobennosti urovnya i kachestva zhizni* [Regional Features of the Level and Quality of Life]. Moscow, M-Studio Publ., 2012, 392 p. (In Russ.)
45. Gushchina I.A., Kondratovich D.L., Polozhentseva O.A. Aktual'nost' ispol'zovaniya sotsiologicheskikh metodov v opredelenii effektivnosti deyatel'nosti vlastnykh struktur v regionakh rossiyskogo Severa i Arktiki (na primere model'nogo regiona — Murmanskoy oblasti) [The Relevance of Using Sociological Methods for Determination of Efficiency of the Authority Activity on the North of Russia and the Arctic (on the Example of Murmansk Region)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2013, no. 6, p. 502.
46. Shabunova A.A., Leonidova G.V., Chekmareva E.A. Socio-Cultural Reserves of Economic Growth: Productivity of the Work Chosen According to One's Calling. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, no. 4, pp. 162–179. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.9
47. Social Innovation: a New Innovation Paradigm for Social Development. An Interview with A. Schröder, M. Menapace and A. Shabunova. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 216–222. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.15
48. Heininen L. Obzor arkticheskoy politiki i strategiy [Overview of Arctic Policies and Strategies]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 39, pp. 195–202. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.195

49. Fauzer V.V., Smirnov A.V. Rossiyskaya Arktika: ot ostrogov k gorodskim aglomeratsiyam [The Russian Arctic: from Ostrogs to Urban Agglomerations]. *Eko* [EKO Journal], 2018, no. 7 (529), pp. 112–130.
50. Minakir P.A., Prokapalo O.M. Centralization and Autonomation as the Drivers of Socio-economic Development of the Russian Far East. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 6, pp. 24–41. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.2

Статья принята 06.07.2020.